
М. СТУДЕННА

ФОРМИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В ВОСТОЧНОЙ УКРАИНЕ НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННОГО ДОНБАССА

Современная Украина является политической конструкцией, в состав территорий которой входит конгломерат гетерогенных земель, долгое время принадлежавших другим государствам. Давайте посмотрим, каково происхождение этих земель. Это Малороссия, земли правого берега Днепра, Западная Украина (в Польше называемая Восточной Галицией), Закарпатье, часть Буковины и Крым. Так называемая Малороссия находилась под влиянием Российского государства с 1654 г., когда был заключен Переяславский договор, на основании которого было подтверждено существование казачьей Гетманщины и ее автономии под протекторатом российского царя. Дата заключения договора считается в России датой воссоединения с Украиной, хотя в это время связей между этими двумя государствами (мы имеем в виду казацкое государство и Россию) практически не было, а подписавшие договор относились к нему весьма конъюнктурно. После этого события Хмельницкий еще не один раз искал возможность укрепить независимость своего государства от России, а царь Алексей признал широкую автономию Войска Запорожского только из-за отсутствия реальных возможностей установления там своего порядка (Петкевич 2005: 51–52). Полностью эта территория подчинилась российскому царю в 1775 г., то есть с момента ликвидации Запорожской Сечи Екатериной II. После второго раздела Польши в состав российского государства вошли также земли, расположенные на правом берегу Днепра. Галиция очень долго являлась частью империи Габсбургов, хотя самое сильное влияние на ее жителей оказал не австрийский, а польский фактор, поскольку польский национализм (как процесс, образующий нации) (Gellner 1991: 72) находился в продвинутой фазе. Галиция стала частью Украины, когда та существовала на карте мира уже в виде Украинской Советской Социалистической Респуб-

лики. Это произошло по решению Сталина после 1939 г., когда тот воплощал в жизнь план, называемый иногда в украинской литературе планом соборности. Мы не хотим, однако, этим сказать, что соборность Украины является авторской идеей Сталина. Идею соборности сформулировали люди, которые в XIX в. сформулировали идею украинской нации, – о них еще пойдет речь, но в то время не было реальных возможностей осуществить эту идею. Закарпатье, начиная со Средневековья, принадлежало Венгрии. После Первой мировой войны оно вошло в состав Чехословакии, а во время Судетского кризиса в 1938 г. Гитлер позволил аннексировать эту провинцию венграм, которые в свою очередь стали называть ее Закарпатской Украиной. В 1945 г. территорию Закарпатской Украины так же, как и Буковину, присоединили к Советскому Союзу, а конкретно – к УССР. Крым колонизовали россияне еще в XVII в. Там до сих пор можно наблюдать сильное мусульманское влияние. Этот прекрасный полуостров *подарил* украинцам Никита Хрущев в 1954 г., когда еще никто не ожидал развала Советского Союза и когда, прямо говоря, то, в чьих руках находился Крым, не имело значения.

Никто не сомневается, что существование независимой Украины в большей степени является результатом так называемой международной конъюнктуры. Можно также согласиться с мнением, что одно лишь желание бороться за независимость еще не гарантирует ее достижения. Для этого необходима благоприятная международная конъюнктура, которая, разумеется, имеет весьма изменчивый характер. На тот факт, что для существования независимого государства самой только воли нации недостаточно, что государственная независимость, безусловно, требует ряда положительных обстоятельств, обратил внимание уже Леон Василевский в 1934 г. в своей книге *Украинский вопрос как международная проблема* (Wasilewski 1934: 142–143). Хорошая конъюнктура (или так называемое *время украинцев*) наступила только в 1991 г., хотя некоторые украинские историки пытаются вывести историю своей нации практически с апостольских времен. Нам знакомо огромное количество фантастических концепций, согласно которым уже в Библии идет речь об украинской нации, изобретателями колеса являются именно украинцы, а самые смелые утверждают, что мифическая

Троя была украинским городом (Wilson 2002: 22–39). Все эти вариации на тему истории нас ни удивляют, ни раздражают. Благодаря им на наших лицах появляется улыбка, и мы с легкостью их украинцам прощаем. Во-первых, потому что одной, абсолютно верной, версии истории не существует, а во-вторых, потому что украинцы не являются единственными, кто не освободился от магического мышления. Элементы мышления магического типа присутствуют везде. Мы их без проблем найдем также в России. Давайте вспомним миф о Святой Руси или русскую душу, способную совершать невозможное и чудесное. По мнению Чаадаева, у России иной, чем у западных стран, путь исторического развития, благодаря которому Россия может избежать большинства западных ошибок вроде капитализма или атеизма, а ее история не подчиняется ограничениям и обстоятельствам, которым подчиняются страны, лишенные данной привилегии (Jedliński n.d.: 7–9). Мифы, касающиеся наций, мы встречаем везде, каждая национальная идея в какой-то степени является мифической, а все это связано с так называемой потребностью *великого вчера*. (Люди всегда нуждались в доказательствах своего величия. Раньше можно было реализовывать эту потребность, расширяя территории государства, например с помощью колонизации или нападений. Сегодня нападение является нарушением международного права и угрожает исключением из международного сообщества, что в условиях глобализации никому не пойдет на пользу. Потому сегодня нации компенсируют эту потребность, создавая себе мифическое прошлое, и стараются показать, насколько великими и известными были их предки [см.: Karuściński 1999: 61–62].) Каждое молодое государство, которое вступает на международную арену, старается найти основу, легитимирующую его существование, именно в этом нуждалась Украина в 90-х гг. XX в.

После распада Советского Союза во многих политических и даже научных кругах по всему миру начали раздаваться голоса, предсказывающие развал этой политической конструкции. Некоторые успели даже указать линии раздела, например на основе границ использования русского языка, несмотря на то, что языку, на котором говорят в деревне, например, современного Донбасса, до русского литературного весьма далеко. Пока что это *временное госу-*

дарство существует на международной арене уже 18 лет, развивается и, разумеется, борется с различными внутренними проблемами, но среди этих проблем нет серьезной угрозы сепаратизма. Даже во время «оранжевой революции», самого большого политического кризиса в независимой Украине, политические силы пришли к консенсусу мирным путем, сохраняя одновременно государственную целостность. Тогда возникли сепаратистские тенденции (хотя можно спорить, насколько они являлись политическим шантажом, а насколько – реальной угрозой), но они не были нацелены на присоединение к России. Однако если украинское государство, вопреки ожиданиям многих, все-таки выдержало тяжесть независимости, свидетельствует ли это о существовании так называемого украинского градиента? (Концепцию культурного градиента разработали немецкие историки. На нее ссылается М. Е. Малия, который утверждает, что понимание под понятиями Европы и России двух противоположных культурных областей является стереотипом. По его мнению, надо смотреть на Европу как на набор различных культурных градиентов, которые находятся на разных уровнях развития [см.: Szporluk 2004: 17]). Конечно, этот украинский градиент не возник на международной арене благодаря божественному *fiat* (перифразирование формулировки Э. Геллнера: «Индустриальное общество не возникло благодаря божественному *fiat*» [Gellner 1991: 61]) – его сформировали люди, которые не нашли себе места ни в польском, ни в русском культурном пространстве XIX в. Практически невозможно спорить с мнением, что регионы Украины отличаются друг от друга. Так оно и есть на самом деле. Конечно, украинцы – разные люди в плане менталитета. Откуда тогда настолько сильные различия в менталитете, если существовало нечто такое, как украинский градиент? Давайте вернемся к тем, которые его формировали, отказываясь от русской и польской национальных идентичностей. Они жили в двух империях – Австро-Венгрии и России. Для империи нациообразующие процессы представляли огромную опасность, угрожающую ее структурам. Естественным тогда механизмом защиты империи было формирование имперской идентичности (либо уход от нее, если она первична по отношению к национализму), гарантирующей полную лояльность центру. В Галиции это удалось, поскольку национальная концепция украин-

цев, проживающих в Галиции, была направлена против поляков, они декларировали верность габсбургскому императору до конца существования монархии. Но после Первой мировой войны Габсбургская империя исчезла с карты мира, ее заменили национальные государства, а имперская идентичность оказалась пустым словом. Похожий процесс имел место в России, причем Российская империя сохранилась. Она, разумеется, изменила свою форму: Советский Союз не являлся империей в традиционном смысле слова, но там не было условий для формирования национального самосознания, зато имели место попытки создать идентичность, основанную на интернациональных ценностях. Когда галицийские украинцы оказались в национальном польском государстве, их нациообразующий процесс естественным образом ускорился. Одновременно в Восточной Украине начался процесс формирования интернационального сообщества. Определенная Лениным концепция решения национальных проблем заключалась в том, чтобы построить интернациональное общество, окончательно ликвидируя различия между нациями с помощью временного использования этих различий (мы имеем в виду политику коренизации). Созданная таким образом ментальная граница между западными и восточными украинцами является следствием того, что первые, лишённые точки отсчета для своей имперской идентичности, просто от нее избавились. У них появились хорошие условия для кристаллизации национального самосознания, зато на востоке в то же время процесс сохранения имперской идентичности продолжался.

Впервые на карте мира государство украинцев появилось в виде Украинской Социалистической Советской Республики. Очевидным образом, УССР не являлась воплощением мечты всех украинских националистов, но не из-за политико-экономического строя (почти все украинские националисты поддерживали социалистическую идею. Существовала большая разница между украинскими национал-социалистами и украинскими националистами, которые поддерживали иные идеи насчет государственного строя, чем между социалистами из других стран [Skrukwa 2005: 17]), а по причине имперской формы Союза. Безусловно, так оно и было, однако это большевики являются создателями Украины, потому что именно они определили ее границы. В 1991 г. оказалось, что объединить

территории не так сложно, как преодолеть ментальную границу. На момент распада Советского Союза Украина столкнулась с задачей намного более сложной, чем те, которые пришлось решать странам Центральной Европы. Надо было одновременно закончить нациообразующий процесс, сформировать государственные структуры нового типа, а также совершить экономическую трансформацию. Огромное значение имел тот факт, что эти новые государственные структуры должны были учитывать культурное разнообразие Украины. Масштаб сложности данной задачи был для всех очевиден.

Демократический строй государства (в идеале) требует гражданского общества. Общества, которое осознает свои проблемы, понимает их последствия и хочет эффективно их решать, готово активно участвовать в общественной жизни, так как самосознание членов гражданского сообщества, понимание совместных нужд и проблем является его основным фактором. Пример Украины показывает, что сформировать гражданское общество нелегко, что это очень сложный процесс, особенно в регионах, в которых настолько сильно укоренилась имперская идентичность. Давайте посмотрим на современный Донбасс. Это самый важный с точки зрения экономической безопасности государства регион Украины, шахтерский и индустриальный центр. Необходимость создать гражданское общество в этом регионе обоснована хотя бы экологическими проблемами. Донбасс больше, чем все остальные регионы Украины, подвержен экологическим угрозам. К тому же это регион, где проживают не только люди неопределенной идентичности, для которых украинская культура неродная, но также и русские, которые не чувствуют себя здесь национальным меньшинством. Они, разумеется, включены в государственную систему Украины, но некоторые меры, предпринимаемые украинским государством (как, например, принятие закона, согласно которому все фильмы, которые идут в кинотеатрах на территории Украины, должны идти на украинском языке), считают скандальными. Эти люди являются огромным потенциалом для построения гражданского сообщества. Потому что, пользуясь языком Б. Андерсона, сила воображаемых сообществ невообразима, они, несмотря на этнические корни, могут быть лояльными гражданами украинского государства. Даже если их не объединяет украинская национальная символика, их объеди-

няют общие для всех украинцев проблемы и заботы, которые являются следствием того, что они живут на одной территории. Вот теперь хороший момент, чтобы задать вопрос: что может предложить жителям Донбасса украинская власть, чтобы они захотели быть украинцами?

В 90-х гг. XX в. украинцы встали перед выбором: либо построить национальное государство (что означало исключить из сообщества его третью часть, причем вопрос исключения является самой опасной угрозой демократии), либо пригласить к созданию сообщества всех русских, а также тех, кто не в состоянии определиться, и одновременно разделить культурное наследие Киевской Руси между украинцами и русскими (Olszański 2003: 143). Нам кажется, что выбор пути конструирования государственной нации, который означает преодоление культурных различий в условиях, когда создается гражданское общество, дает большие возможности эффективного развития страны и гарантирует стабильность. Кажется также, что гражданское общество, которого требует настоящая демократия, возможно построить только в условиях государственной нации, когда политические вопросы отделены от этнических.

Литература

Петкевич, К. 2005. Украина на перепутье: Казацкое государство в XVII в. *История и современность* 2: 35–63.

Gellner, E. 1991. *Narody i nacjonalizm* / przekł. T. Hołówka, Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.

Jedliński, M. n.d. *Elementy myślenia magicznego i mitycznego w historiozofii rosyjskiej*. Машинопись авторки.

Kapuściński, R. 1999. *Imperium*. Warszawa: Czytelnik.

Olszański, T. 2003. *Trud niepodległości. Ukraina na przełomie tysiącleci*. Kraków: Instytut Studiów Strategicznych.

Skrukwa, G. 2005. *Formacje wojskowe ukraińskiej „rewolucji narodowej” w l. 1914–1921*. Rozprawa doktorska. Poznań: Uniwersytet im. A. Mickiewicza.

Szporluk, R. 2004. *Zachodni wymiar kształtowania się współczesnej Ukrainy*. Warszawa: OBTA LECTURES.

Wasilewski, L. 1934. *Kwestja Ukraińska jako zagadnienie międzynarodowe*. Warszawa: Ukraiński Instytut Naukowy. Cyt. za: Szporluk, R., 2004. *Zachodni wymair kształtowania się współczesnej Ukrainy* (s. 7). Warszawa: OBTA LECTURES.

Wilson, A. 2002. *Ukraińcy* / przekł. M. Urbański. Warszawa: Grupa Wydawnicza Bertelsmann Media.